

имъ научиться на собственномъ языке, есть-ли только будутъ радельно способствоватьъ сверхъ заведенныхъ государственныхъ училищныхъ корпусовъ, публичныхъ школъ, университета, гимназей и самыхъ семинарий, не только отдавая детей своихъ въ оныхъ заведения, но приговаривая изъ нихъ для подавания уроковъ способныхъ учителей, а для военныхъ наукъ свободныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ; Мы же таковымъ съ военными науки свободнымъ не только офицерамъ да и генераламъ благодетельствовать во ономъ юношестве собственного Отечества не только дозволяемъ къ Нашему собственному благоволенію, да и обещаемъ таковымъ смотря по успехамъ учениковъ и Наше покровительство и поощрение.

18

Науки чужестраннымъ языкамъ, вышней математики и всемъ прочимъ вышнимъ познаниямъ, приемлемъ Мы во особенное же Наше покровительство, и упражняющихся въ оныхъ весьма нетолько похваляемъ, да и успевающихъ съ превосходствомъ, неоставимъ конечно отличать Монаршимъ благоволеніемъ и поощрениями; но какъ сии науки больше украшаютъ самихъ себя и возвышаютъ славу сколько государственную, столько же и собственную, а способностями своими руководствуютъ на приуготовление каждому себя къ службе внешняго и внутренняго Министерства и на председательства при делахъ государственнаго управления, то и нельзя никакъ великому числу Дворянства настоль малое число въ Государстве оныхъ мѣсть помещаться, почему и приличныя научения чужестраннымъ языкамъ и путешествіи по чужимъ государствамъ единственно темъ домамъ, которые въ состояши выносить потребные на то не малые издержки безъ всякаго въ капиталахъ своихъ разорения, а отнюдь не съ причиненіемъ юношеству такихъ долговъ на самое вступленіе еще только ихъ в службу, которыхъ тягость будетъ ихъ обремененіемъ своимъ принуждать не о службе радеть, но какъ всеми и не позволенными хотя уже способами только извлечь себя изъ долговъ.

Сочинено въ 1785-м году.

С. Р. ДОЛГОВА. К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

РАБОТА Н. А. ЛЬВОВА ПО ПОДГОТОВКЕ
ВТОРОГО ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДОВ ИЗ АНАКРЕОНА

«Стихотворение Анакреона Тийского» в переводе Н. А. Львова, напечатанное в 1794 г. в Петербурге, в корпусе чужестранных единоверцев,¹ остается до сих пор фактически неисследованным,

¹ Стихотворение Анакреона Тийского. СПб., 1794. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы. При цитации предисловия и

хотя является крупнейшей работой подобного рода. По объему, по глубине теоретического осмысления задач переводчика и писателя, по количеству использованных научных трудов, по обширности и разнообразию комментариев, которые также заслуживают тщательного изучения, книга, подготовленная Н. А. Львовым, превосходит аналогичные издания П. Е. Струйского (1788), И. В. Виноградова (1792), Н. Ф. Эмина (1795), И. И. Мартынова (1802) и др.

К сожалению, исследователи конца XIX—первой половины XX в. уделяли недостаточное внимание переводу П. А. Львова.² Положение не изменилось и в дальнейшем. Например, в работе К. Л. Дрейджа,³ появившейся в 1962 году, весь разбор занимает менее страницы, при этом с позиций современных требований переводчику сделаны упреки за неточность и неудачные добавления (weak additions).

Г. Н. Ионин, неоднократно обращавшийся к анакреонтике Г. Р. Державина, подчеркивал важность ее соотнесения со «Стихотворением Анакреона Тийского».⁴ Этим же принципом исследователь руководствовался и в недавней статье.⁵

В работе западногерманской исследовательницы Дорис Шенк впервые учтены все журнальные публикации анакреонтических стихов на протяжении XVIII столетия и сделан ряд важных наблюдений.⁶ Несмотря на узкоформальный подход к изучаемому явлению, пропуск отдельных публикаций (анакреонтические стихи М. Н. Муравьева,⁷ Н. П. Осипова⁸ и др.) и рассмотрение в одном ряду как подражаний Анакреону, так и переводов анакреонтеи, исследование Дорис Шенк — крупнейшая работа подобного рода, сделавшая возможным комплексное изучение в будущем интереснейшего жанра русской поэзии XVIII в. Однако и в ней переводу Н. А. Львова уделено мало внимания. По мнению Дорис Шенк, филологический успех русского поэта следует оценить более высоко, чем поэтический.⁹

Данная статья не претендует на исчерпывающую характеристику переводов Н. А. Львова, ее цель иная — ввести в научный комментарий с учетом коррективов Н. А. Львова номеру страницы предшествует литера «к».

² *Кутателадзе Н. Н.* К истории классицизма в России // Филологические записки. 1915. № 155, вып. 4. С. 503—504; *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 411.

³ *Drage C. L.* The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. V. 41, No. 96. P. 110—134.

⁴ *Ионин Г. Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 171.

⁵ *Ионин Г. Н.* Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 346—348.

⁶ *Schenk D.* Studien zur anacreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt a. M., 1972.

⁷ *Муравьев М. Н.* Переводные стихотворения. СПб., 1773. С. 9, 14.

⁸ *Кокорев А. В.* «Труды разумных общников»: (Рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86, вып. 7. С. 36—38.

⁹ *Schenk D.* Op. cit. S. 121.

оборот новые материалы, иллюстрирующие работу поэта по подготовке переиздания «Стихотворения Анакреона Тийского». Опубликованный в 1794 г. текст несет на себе следы спешки, в русских стихах большое количество погрешностей (по указанию Н. А. Львова, Евгений Булгарис «руководствовал переводчика и трудился в греческой корректуре» (с. ХХХVI)), издание не было также украшено портретом. Обо всем этом сказано уже в предисловии: «Бодонием напечатанный его (Анакреона. — С. Д., К. Л.-Д) профиль, с древнего камня заимствованный,¹⁰ почитается лучшим. Мне весьма желалось украсить оным и мой перевод; но таланту приятелей моих не достало времени, а мне терпения, потому что как переводить и печатать начал я по милости новых литер от Дидота привезенных; так и кончить печатание принужден был по желанию типографов, погонявших меня корректурными листами» (с. XIX).¹¹

На вынужденную поспешность своей работы поэт указывал и в примечаниях ко второй книге стихотворений. Она помешала заменить стихи XXV и XXXIV од более совершенными (с. 168, 177).

В конце 1940-х гг. в ходе работы над диссертацией Н. И. Никулиной удалось обнаружить большое количество неизвестных ранее материалов, связанных с биографией Н. А. Львова. Это документы тюфильской канцелярии (от названия деревни Тюфили под Москвой, где находилась школа землебитного строения), попавшие в фонд Горного департамента в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. Среди них сохранилась записка от 19 октября 1802 г. о выдаче по указанию Н. А. Львова граверу Сандерсу 130 рублей «за выгравирование шести виньеток ко второй эдидии Анакреона, двух портретов автора и одного виньета города Москвы».¹² Однако в публикациях, подготовленных исследовательницей, о намечавшемся переиздании «Стихотворения Анакреона Тийского» сообщено не было.

В начале 1970-х гг. С. Р. Долгова обнаружила в Научной библиотеке Центральных государственных архивов СССР (в коллекции ЦГАДА) экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского», подготовленный ко второму изданию. Внимание исследовательницы сразу же привлекло неизвестное стихотворение Г. Р. Державина. Ему была посвящена опубликованная вскоре статья,¹³ в ходе работы над которой удалось выяснить, что пометы сделаны секретарем Н. А. Львова В. В. Сумароковым, и выявить неизвестное письмо В. В. Капнисту от 28 сентября 1795 г., где Львов сле-

¹⁰ Имеется в виду издание: 'Ανακρέοντος μέλη / Ed. I. V. Bodonius. Parmae, 1791.

¹¹ Здесь и далее тексты XVIII в. даются в современной орфографии, последовательно сохранено лишь написание окончания «ой» в прилагательных именительного падежа единственного числа мужского рода.

¹² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, № 114, л. 19.

¹³ Долгова С. Р. Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина // Рус. литература. 1972. № 2. С. 117—119.

дующим образом писал о вышедшем издании: «При выздоровлении ее (М. А. Львовой. — С. Д., К. Л.-Д.) ничто ее еще в словесном свете так не порадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные. В нем подлинно столько ошибок, что никто не усумнится в той истине, которую, погоняя меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам заметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки на такие стихи, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности».¹⁴

Видимо, только в конце 1790-х—самом начале 1800-х гг. у Н. А. Львова появились «и добрая воля и способность», необходимые для подготовки второго издания. Отметим также, что сотрудничество поэта и его секретаря не могло начаться ранее 1 марта 1798 г., ибо это день вступления В. В. Сумарокова в «Экспедицию угольных приисков и работ в империи».

Биографические обстоятельства позволяют объяснить отсутствие авторских помет и более точно датировать правку. Осенью 1800 г. Н. А. Львов перенес тяжелое заболевание, после которого зрение его ослабло. Когда недуг отступил, поэт записал в своем дневнике: «Первый день моей новой жизни. Москва 1800, ноября 16».¹⁵ С этого времени почерк Н. А. Львова становится крайне неразборчивым, автографы встречаются реже, даже в частной переписке поэт все чаще обращается к услугам своего секретаря. Поэтому, как кажется, можно предположить, что основная работа над текстом Анакреона проводилась в 1801—1802 гг.

Экземпляр издания Анакреона, сохранившийся в ЦГАДА, на первом листе имеет овальный штамп: «Моск(овский) иностр(анских) дел Колл(ежский) архив», — свидетельствующий о принадлежности книги в прошлом библиотеке этого учреждения. В 1834 г. оно получило новое название — Московский Главный архив министерства иностранных дел; о прошедшей инвентаризации можно заключить по прямоугольному штампу этой организации. Цифры на форзаце («4°, 1130»), по-видимому, обозначают формат (in quarto) и порядковый номер при расстановке. Лист с указанием места напечатания и заголовком «Стихотворение Анакреона Тийского перевел **** **», обычный в других изданиях, в этом экземпляре отсутствует. Вместо него вклеен листок, на котором почерком В. В. Сумарокова написаны стихотворения В. В. Капниста и Г. Р. Державина. Есть основание предполагать, что авторство переводчика должно было быть открыто, так как перед титульным листом третьей книги имеется запись: «Львов-Никольский» (с. 197).

¹⁴ Позднее опубликовано Е. Н. Кононко. См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 390—391.

¹⁵ *Львов Н. А. Путевые записки* // ИРЛИ, Р. 1, оп. 15, № 166, л. 81.

Необходимо сразу же оговорить, что все изменения затронули только русский текст (издание Н. А. Львова — билингва), в греческом не сделано ни одного исправления.

При подготовке второго издания в первую очередь были устранены опечатки: «пендатические» исправлены на «педантические» (к, с. XXIII), дата первого издания анакреонтеи — с 1754 г. на 1554 (к, XXIV), а также другие столь же явные (к, с. XI, 55, 125, 191, 194, 278, 281); в ряде случаев было избрано более правильное, с современной точки зрения, правописание слов («по-нежнее» вместо «по нежнее», «сделал» вместо «зделал»).

Стремление следовать греческому произношению проявилось в изменении ряда слов («Бакхилид» на «Вакхилид», «Феб» на «Фив», «амброзия» на «амврозия» и др.), но в тексте всех трех книг остались слова, которые оно не затронуло (Алцей, Стезихор и др.). Пометы, сделанные рукой В. В. Сумарокова, видимо, отражают начальную стадию подготовки второго издания «Стихотворения Анакреона Тийского». Это положение мы постараемся аргументировать ниже.

Н. А. Львов стремился также усовершенствовать графическое оформление книги и ее справочный аппарат, на что указывает ряд фактов: улучшена сноска (к, с. IV), введена отсылка к примечанию (к, с. XXXIII), уточнено название раздела оглавления (к, с. XXXVIII).

9 из 33 страниц предисловия Н. А. Львова занимает перечень переводов из Анакреона, появившихся в Европе с 1554 по 1791 г., 11 из них русский поэт, по его свидетельству, использовал в своей работе. В первом издании имена упоминаемых здесь греческих авторов были выделены курсивом, во втором издании таким же образом должны были быть отмечены имена переводчиков (они подчеркнуты В. В. Сумароковым).

Наибольшее количество помет сделано в тексте вступительной статьи «Жизнь Анакреона Тийского», начальная часть которой является переработкой вступительной статьи французского филолога-классика Анны Дасье к изданию стихотворений Анакреона, служившему основным источником сведений об античном лирике для всех аналогичных изданий XVIII в.¹⁶ Однако большую часть предисловия составляют оригинальные рассуждения Н. А. Львова о значении поэзии Анакреона, без знания которых нельзя понять цели предполагавшихся поправок.

Так, на протяжении всей статьи Н. А. Львов полемизирует с расхожим представлением об Анакреоне: «Обыкновенное мнение о свойстве и поведении Анакреона состоит в том только, что он во всю жизнь свою любил, пел вино и пил» (с. IV). Но уже Элиан Сладкоязычный, замечает русский поэт, писал в своей истории: «Да не осмелится кто-либо порочить Тийского стихотворца, называя его невоздержанным (с. XVI). Поэтому нельзя,

¹⁶ Les poésies d'Anacréon et de Sapho, traduites en François, avec remarques par Madame Dacier. Amsterdam, 1716.

основав свое мнение «на стихах застольных, на песнях веселых и любовных», заключить, что «сочинитель оных был развратной пьяница». Порукой в том служат подлинные известия о поэте, а также его совершенный художественный вкус, ибо «люди изящного и тонкого вкуса редко бывают подвержены порокам грубым, каково пьянство или разврат» (с. XVII).

Анакреон в представлении Н. А. Львова был человеком добродетельным (с. III, IV), его стихи созданы во время отдыха, веселого застолья и в утонченной форме отражают состояние души античного поэта именно в эти минуты. Достоинства поэзии Анакреона в «приятной философии, каждого человека состояние улаждающей» (с. V),¹⁷ а также в «пленительной истине и простоте мыслей, таком чистом и волшебном языке, которой останется предметом отчаяния для всех подражателей его» (с. V—VI).

Причина подобного успеха в том, что поэзия древнегреческого лирика — «глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения» (с. VII). Картины его стихов и рассуждения, являющиеся действительным убеждением сердца, «суть ничто иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI). Тематика стихов Анакреона («любовь и утехы»), преданность Венере и Вакху, Купидону и Харитам — следствие «мягкого и нежного свойства его души». Как высшее воплощение эстетических принципов античности Анакреон противопоставляется поэтам нового времени, сам Н. А. Львов признается, что долгое время не понимал достоинств его творчества, «будучи заражен пухлостями какого-нибудь Томаса или пряного Дората», до тех самых пор, пока учение древних авторов, очистив его вкус от «фальшивых блесков французских лириков», не открыло глазам его «важную и простую красоту истины» (с. VIII). Ф. Петрарка, Г. А. Шолье, А. Л. Тома, С. Геснер, по убеждению русского поэта, жалкие подражатели Анакреона, «потому что все черты его ума, все изречения принадлежат его собственному ощущению» (с. XI). В их же стихах «и разбавленные, но те же самые красоты кажутся только понежнее бледностью своею для глаз наших» (с. XI).

С именем Анакреона Н. А. Львов связывает идеальное соотношение между частной жизнью и творчеством писателя, во многом предваряющее знаменитую пушкинскую формулу «слова поэта суть дела его»: «Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее, библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, человека узнавали бы вдруг и по соб-

¹⁷ Ср. также: «...стихотворец отменный, проповедник толь упоительный и приятной философии» (с. II).

ственной его расписке, так сказать, сократился бы тогда путь к познанию и благоденствию его» (к, с. XVIII).

В целом изменения в тексте предисловия, представляющие наибольший интерес для исследования, направлены на то, чтобы более точно выразить концепцию Н. А. Львова. Так, в примечании на первой странице фразы: «Гиппарх был в тесном сношении с Анакреоном» — исправлена на: «Анакреон был в тесном сношении с Гиппархом», — что отражает, как представляется, убеждение Н. А. Львова о большей важности для человеческой истории творчества античного поэта сравнительно с деятельностью пра-вителя.

В ряде случаев характеристика поэзии древнегреческого лирика дополнена новыми штрихами: добавлено, что приятная философия утвердилась «легкими, краткими и красивыми изречениями» (к, с. V), уточнено, что фрагменты Анакреона обладают не «простотой мыслей», но «тонкими замыслами и простотой слога» (к, с. V), отмечено, что греческий поэт обладал даром исключительного «проницания», «дабы приметить красоты природы всегда от посредственного человека скрывающиеся» (к, с. XII).

Н. А. Львову было также важно указать, что Анакреон имел «нежный вкус» (признак чувствительной души), который удерживал его от пороков, поэтому если раньше вкус определялся как «тонкий» и «изящный и тонкий» (с. XVII—XVIII), то теперь он характеризуется как «тонкий и нежный» и «изящный и нежный» (к, с. XVII—XVIII). Более понятны в связи с внесенными исправлениями и упреки по адресу новых поэтов — они изменили верности природе, прельстившись декоративными эффектами. Если раньше Н. А. Львов писал о «пухлостях какого-нибудь Томаса или пряного Дората», то теперь — о «пухлом витийстве» (к, с. VIII), а «витийственные красоты» заменяются на «витийственные украшения» (к, с. VIII).

Говоря о том, что при чтении Анакреона между поэтом и читателем устанавливается взаимная доверенность, знакомство почти личное (цель, которой добивался и сам Н. А. Львов), переводчик посчитал нужным отметить, что одновременно познаются и «свойства» писателя (к, с. IX), позволяющие проникнуть в его внутренний мир.

Остальные изменения текста предисловия не подчинены столь явно общим эстетическим установкам переводчика, они служат главным образом более точной передаче смысла фраз и устранению допущенных стилистических погрешностей. Это добавление слов (к, с. VIII, IX, XI, XVII), замена одного слова другим (к, с. VIII, X, XI, XIV), изменение грамматических форм (к, с. IV, IX, XIII, XVII, XVIII) и структуры фраз (к, с. IV).

Переходя к анализу помет, сделанных рукой В. В. Сумарокова в тексте стихов, необходимо указать, что большая часть произведений, которые Н. А. Львов считал написанными древнегреческим лириком, в действительности Анакреону не принадлежит. Это анакреонтея — подражания, возникшие в период позд-

него эллинизма, созданные в модной тогда дилетантской манере.¹⁸ Анакреонтея дошла до нас в составе палатинской рукописи (*Anthologia Palatina*) и была впервые издана в 1554 г. Вероятно, большим разочарованием для Н. А. Львова было бы узнать, что из 75 переведенных им стихотворений античному поэту принадлежало лишь 17 (оды LVI—LX, фрагменты LXII—LXVI, эпиграммы I—VI).¹⁹

В первой книге од Анакреона Н. А. Львовым было изменено два названия. Ода XI «На себя самого» (это точный перевод с греческого) получила заглавие «На свою старость», что более соответствует ее содержанию. Неудачным, видимо, Н. А. Львову показалось слово «бокал», его сменил «кубок» — как в названии оды XVII, так и в ее тексте. Ни во второй, ни в третьей книгах заглавия стихотворений изменены не были.

Первый вопрос, который встает при изучении авторской правки любого перевода, — это то, насколько вносимые изменения приближают его к подлиннику, тем более что Н. А. Львов пользовался в своей работе подстрочником и переложениями анакреонтеи на европейские языки, что в ряде случаев стало причиной неадекватности перевода оригиналу в издании 1794 г.

По нашему мнению, лишь два изменения в первой книге (оды X и XVII) способствовали устранению этого недостатка:

.. возьми за что ни есть;	.. что хочешь, заплати;
	(ода X, с. 31, стих 8) ²⁰
Но сделай мне бокал, Глубокой, сколь возможно.	Но кубок сделай мне Широкой и глубокой.
	(ода XVII, с. 47, стихи 4—5)

Это перевод следующих стихов:

Δάξ' αὐτὸν ὅσποσον λῆς. (Возьми его, за сколько хочешь).	Ἦφαιστὲ μοι ποίησον <...> Ποτήριον δὲ κοίλον Ἵ' Ὅσον δὲνῆ βάθρονον. (Гефест, сделай мне кубок емкий и возможно глубокий).
(ода X, с. 30, стих 7)	(ода XVII, с. 46, стихи 2, 5, 6)

В меньшей степени приближен к подлиннику текст в одах IV и VIII:

Лучше ароматы мне Воскурите вы при жизни, Розой увенчав чело, И подругу позовите.	Лучше ароматы мне Вы при жизни воскурите И, венком покрыв чело, Мне подругу позовите.
	(ода VIII, с. 23, стихи 10—11)

¹⁸ Crusius O. *Anacreon* // Paulis Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hg. von G. Wissowa. Stuttgart., 1894. Bd 1. S. 204.

¹⁹ *Poetae Lyrici Graeci* / Ed. T. Bergk. Lipsiae, 1882. V. 3. P. 253—338.

²⁰ Здесь и далее слева — первоначальный текст, справа — измененный.

Вот что соответствует этим отрывкам в греческом тексте:

Ἐμὲ μᾶλλον, ὥς ἔτι ζῶ,
Μύριτον ῥόδοις δὲ κῶτα
Πόκατον, κάλει δ' ἑταίρην:

Δαξέθυμά μοι λέγοντες
Διὰ τὰς καλὰς ἐκείνας.

(Мея же лучше, пока я жив,
умасти миром, розами увенчан
и позови подругу).

(Брабя меня, перед теми
красавицами).
(ода VIII, с. 22, стихи 9—10)

(ода IV с. 12, 14, стихи 13—15)

Эти исправления, по-видимому, вызваны обращением Н. А. Львова к переводам на европейские языки, а не к тексту оригинала, ибо они составляют меньшинство по отношению к общему числу изменений, есть и случаи отхода от греческого текста, менее точной его передачи. Так, перевод обращения в начале оды XVIII «καλὴ τέχνη» как «прекрасное искусство» в первом издании не удовлетворил Н. А. Львова, он предпочел эпитет «изящное».

Наше мнение подтверждает и то, что многие исправления касаются текста, добавленного Н. А. Львовым к собственно переводу. Это отдельные слова и даже стихи, которым нет соответствия в оригинале:

Жаль мне стало, отзыв слыша. . .

Жаль мне стало, голос слыша. . .

(ода III, с. 9, стих 14)

И я служу ему
Усердно, сколь возможно. . .

И с тем служу ему
С усердьем я возможным. . .

(ода IX, с. 27, стихи 14—15)

Пусть будет жить со мной. . .

Пускай живет со мной. . .

(ода X, с. 31, стих 14)

Один раз Н. А. Львов отказывается от повтора предлога — оборота, фольклорно маркированного:

На коврах на пурпуровых. . .

На коврах пурпуровидных. . .

(ода VIII, с. 23, стих 3)

Это изменение оправдано, ибо Н. А. Львов с большим тактом вводил в свой перевод элементы разговорной и народно-поэтической речи на лексическом уровне, поэтому отказ от данной синтаксической конструкции способствует большему художественному единству перевода. Однако нужно отметить, что избранный эпитет недостаточно точно передает греческое прилагательное «ἀλιπόρφυρος» (окрашенный морским пурпуром).

В большинстве случаев исправления не приближают перевод к подлиннику и имеют стилистический характер:

А при нем и лук и стрелы. За плечами лук и стрелы.
(ода III, с. 11, стих 19)

Ну, посмотрим-ко, сказал,
В чем испортилась в погоду
Тетива моя? — И лук
Вдруг напряг, стрелой
 ударил
Прямо в сердце он меня. . . Поразил меня стрелой.
(ода III, с. 11, стихи 24—29)

Посвященную любви
Розу окропим вином,
И румяною сей розой
Увенчаем мы чело;
Будем пить с усмешкой
 нежной.
Посвященную любви
Розу вспырнем мы вином,
И, румяною сей розой
Увенчав свое чело,
Будем пить с усмешкой нежной.
(ода V, с. 17, стихи 1—5)

Пусть тут отрок кудреватый. . . Пусть нам юноша кудрявый. . .
(ода VI, с. 19, стих 8)

И легиньким крылом
Его я отеняю. И крылышком его
Легонько отеняю.
(ода X, с. 27, стихи 32—33)

Иль тотчас будешь сам
Ты в пламени растоплен. Иль тотчас будешь сам
Ты мной в огне растоплен
(ода X, с. 31, стихи 18—19)

Кто также, говорят,
На берегах Клароса. . . Кто также на берегах,
Вещают нам, Клароса. . . ²¹
(ода XIII, с. 37, стихи 7—8)

В оде XVIII неудачной представляется замена эпитета «невооруженный» кратким причастием «обезоружен» (с. 51, стих 24), что искажает авторскую мысль, предполагая некоторое активное действие:

Χάρασσ' Ἐρωτας ἀνόπλους.
(Вычекань Эрота невооруженного (буквально — безоружного,
беззащитного)).
(ода XVIII, с. 48, стих 14).

Остальные поправки в стихах первой книги — это изменение порядка слов, варьирование грамматических форм, замещение одних слов (в подавляющем случае односложных) другими, что не дает материала для обобщений и вызвано индивидуальным чувством стиля писателя.

²¹ Это единственный случай введения славянизмов, что, видимо, объясняется желанием усилить проноию в оде XIII при описании подвигов «женоподобного» Аттиса.

В комментариях к первой книге од сделаны пометы, приводящие примечания в соответствие с текстом стихов, подвергшихся правке (к, с. 70, 79, 86), а также незначительные стилистические изменения (к, с. 68, 71). Важной представляется переработка первой фразы комментария к оде I, сделанная с целью более точного разъяснения принципов первоначальной работы над текстом перевода:

Сия и следующая за нею ода переведены были мною точным числом стоп и ударением греческого подлинника, тем же самым метром хотел я продолжать перевод всего Анакреона.

(с. 63)

Сия и следующая за оною ода переведены были мною равным числом стоп против подлинника и тем же ударением, как в греческом, тем же самым метром хотел я продолжать перевод и всего Анакреона.

(к, с. 63)

Если в первой книге из двадцати двух од оставлены без помет лишь шесть (XII, XIV, XVI, XIX, XXI, XXII), то во второй книге сделаны три ничтожные поправки: устранены опечатки в одах XXXI и XXXII, в третьем стихе оды XXXVIII предлог «но» заменен предлогом «а», в комментариях же на странице 194 убран союз «и». Все это доказывает, что работа над второй книгой только началась, ибо именно в примечаниях к этой книге Н. А. Львов жаловался на спешку наборщиков, помешавшую ему улучшить текст перевода. Здесь же поэтом были напечатаны варианты нескольких стихов (с. 168, 177), которые не были использованы В. В. Сумароковым при доработке.

В третьей книге сделаны исправления в тексте шести од (XLV, XLVI, XLVIII, LII, LVII, LXI) и одной эпиграммы (VII), часть из которых отдаляет перевод от оригинала:

Подай Гомерову мне лиру,
Но только ту сними струну,
Котора брани воспевала.

Подай Гомерову мне лиру,
Но только ту сними струну,
Что брани, бедства воспевала.

(ода XLVIII, с. 209, стихи 1—3)

Нередко юностью нетрезвой
Развратно веселится Вахх.

Нередко юностью нетрезвой
Развратно пользуется Вахх.

(ода LII, с. 221, стихи 25—26)

Это переводы следующих стихов:

Δότε μοι λύρην Ὀμήρου,
Φονίης ἄνευθε χορδῆς.

(Дайте мне лиру Гомера без восной
(дословно — кровавой) струны).

(ода XLVIII, с. 208, стихи 1—2)

Μετὰ γὰρ γέων ὁ Βάχχος
Μεθύων ἄτακτα παίζει.

(Ибо среди хмельной молодежи Вахх беспутно веселится).

(ода LII, с. 220, стихи 23—24).

В других случаях новые варианты никоим образом не приближают перевод к подлиннику и служат решению чисто стилистических задач:

Но примешивал тут желчь Купидон в состав приятный.	Но примешивал Эрот Желчь в состав приятной, сладкой. (ода XLV, с. 200, стих 7)
Золото — причина ссор. . .	Золото — источник ссор. . . (там же, стих 12)
Наши укрепит тела. . .	Тело наше укрепит. . . (ода L, с. 213, стих 12)
Но с улыбкою богиню Зрящую забавы их.	И с улыбкою богиню На забавы их смотря. (ода LI, с. 217, стихи 23—24)
Дай, мальчик! мне хлебнуть.	Дай, мальчик! мне запить. (ода LVII, с. 235, стих 2)
Могущий властелин Эрот!	Властитель мочный Купидон! (ода LXI, с. 243, стих 2)
И с любовью их мешая О весельи говорит.	И с любовию мешая О весельи говорит. (эпиграмма VII, с. 259, стихи 6—7)

Поправки в тексте комментариев третьей книги незначительны: изменение порядка слов и отдельных грамматических форм, раскрытие сокращений, добавление или изъятие нескольких слов, подбор более уместных синонимов.

Во всех трех книгах наименьшие изменения претерпела пунктуация, что, видимо, связано с ее крайней неупорядоченностью в конце XVIII в. Так, если восклицательный знак более соответствует эмфатическому завершению оды VII, а вопросительный знак, внесенный в стих 10 оды XVII, по своей синтаксической роли более соответствует точке с запятой в греческом тексте, то в ряде случаев исправления не оправданы с современной точки зрения. Порой они даже противоречат интонационному и грамматическому членению стихов, как в данном случае, когда пунктуация изменена следующим образом:

Прекрасными женами, Во всей Элладе сей, Ахейской город славен.	Прекрасными женами Во всей Элладе сей. Ахейской город славен. (ода XXXII, с. 129, стихи 11—13)
--	---

Как представляется, работа над вторым изданием только началась — видимо, Н. А. Львов поручил своему секретарю перенести в текст книги пометы, сделанные в рукописи или корректуре переводов. Это объясняет отсутствие в тексте собственно-ручных маргиналий П. А. Львова (всюду мы видим почерк его

секретаря), а также то, что из указанных в первом издании семи погрешностей, т. е. опечаток (с. XLIV), Сумароковым исправлена лишь одна. Данное мнение подтверждает и ряд других фактов, в том числе устранение ссылки на примечание «б», которое тем не менее оставлено (с. XIII).

Таким образом, хранящийся в коллекции ЦГАДА экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» в переводе Н. А. Львова позволяет наметить основные направления работы по подготовке переиздания: конкретизация теоретических положений Н. А. Львова о значении поэзии Анакреона и задачах художественного творчества, стилистические изменения текста без обращения к оригиналу, улучшение технической стороны издания. Включение в книгу стихотворений Г. Р. Державина и В. В. Капниста должно было подчеркнуть ее связь с львовско-державинским литературным кружком, которому, напомним, была присуща установка на своеобразную коллективность творчества и совместную подготовку изданий: в текст книги И. И. Хемницера были включены «чужие басни», принадлежавшие перу Н. А. Львова, в работе над «Сочинениями Г. Р. Державина» принимали участие его ближайшие друзья.

Обнаруженные маргиналии и поправки текста, к сожалению, не дают ответа на ряд вопросов, связанных с ходом работы Н. А. Львова над переводами из Анакреона. Этот процесс во многих отношениях и до сих пор остается загадочным: неясно, когда и при каких обстоятельствах перевод был начат, кто делал подстрочник для поэта, как состоялось его знакомство с Евгением Булгарисом (в последней американской монографии о греческом просветителе повторены общеизвестные сведения о факте сотрудничества с Н. А. Львовым),²² сколь велика была консультативная роль Г. Р. Державина, В. В. Капниста, А. Н. Оленина, знал ли о готовящемся переводе М. Н. Муравьев и т. д.

В заключение статьи отметим, что планируемое переиздание замечательного памятника русской литературы XVIII в. будет в значительной мере обогащено подобной находкой, предоставляющей обширный материал для комментариев и позволяющей с большей точностью воссоздать замысел Н. А. Львова-переводчика.

²² *Batalden S. K. Catherine II's greek prelate: Eugenios Voulgaris in Russia 1771—1806. N.-Y., 1982. P. 81—83.*